
Р. Я. ПОДОЛЬ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОСОФИЯ

Современная цивилизация, которую социологи именуют в культурологическом аспекте как постмодернистскую, а исходя из экономических критериев – как технотронную, стоит перед выбором различных сценариев своего последующего развития. В этих условиях проблема научности исторического познания для всей социально-гуманитарной науки является чрезвычайно актуальной. Это обусловливается также усиливающейся дифференциацией различных отраслей общественнознания и их предметным обособлением от общей теории исторического процесса. Кроме того, под усиливающимся воздействием постмодернистских тенденций в историческом познании происходит критическая переоценка традиционной методологии анализа и объяснения закономерностей развития всемирного исторического процесса.

Для адекватного осмысления состояния современной отечественной исторической науки и историософии как ее теоретического фундамента уместно использовать метод сравнительного сопоставления их развития с аналогичным периодом вековой давности. Дело в том, что по своему динамическому накалу и драматизму событий эти периоды в исторической судьбе России вполне сравнимы друг с другом. Начало XX в. в исторической судьбе России представляет собой социальный излом, обусловленный мировым экономическим и политическим кризисом. Глобальные кризисные процессы неизбежно экстраполируются на национальную почву, вызывая подвижки в общественном сознании. Социальные науки в такие переломные эпохи проходят испытание временем и получают дополнительные стимулы для своего развития.

Сегодняшнее время дает возможность по-новому проанализировать этот исторический период и, очистив его от утвердившихся в прежних исследованиях идеологических оценок, определить его достойное место в исторической судьбе России. Начать необходимо с того, что в этот период российская культура переживала расцвет Серебряного века. Это была яркая культурная эпоха, в которой Россия, по выражению Б. Пастернака, являлась «огромным родильным домом», воспроизводящим на свет самые смелые научные идеи, новаторские начинания, ярчайшие произведения искусства, во многом определившие пути развития европейской и мировой культуры.

И, несмотря на то, что в XX в. российская историософия вступила с незаурядным научным потенциалом, который укреплялся и обогащался талантливыми творческими силами, грядущие общественные потрясения не могли не отразиться на состоянии русской обществоведческой мысли, что всецело относится и к русской историософии. При этом важно подчеркнуть, что в научном сообществе все устойчивее формировалось мнение о глубоком кризисе в исторической науке. Статьи, констатирующие эту кризисную ситуацию в историческом познании, одна за другой появлялись в отечественных журналах. Их анализ свидетельствует, что в историософии все более укреплялся дух критицизма и пересмотра всех прежних исторических схем, методологических подходов, критической переоценке подвергались многие прежние теории и даже отдельные социологические концепции.

Так, в журнале всеобщей истории «Анналы» (1922) отмечалось: «Уже в конце XIX столетия и в первые годы XX в. становилось все заметнее, что в исторической науке намечаются некоторые сдвиги, обнаруживается явное недоверие ко многим унаследованным схемам и позыв к их пересмотру. Дело шло не только об общих историко-философских системах: эти системы почти все без исключения еще до указанного момента все более и более ветшали и колебались, и ни одна из них к началу XX в. не могла претендовать ни на всеобщее признание, ни даже на абсолютную преданность и безусловное доверие среди собственных сторонников»¹.

---

¹ *Анналы*. – 1922. – № 1. – С. 5.

Скептицизм и гносеологический нигилизм стали настолько популярными в общественном сознании, что заслонили собой продуктивный научный анализ всемирного исторического процесса. На этой волне восторжествовал критический дух разрушения всех прежних достижений в исторической теории, о чем и свидетельствовала статья из упомянутого нами журнала: «Ни в области истории социально-экономической, ни в области истории политической или культурной не осталось, кажется, ни одной частной схемы, которая оказалась бы не разрушенной, не поколебленной или хоть не затронутой»².

Словом, пересматривались не только общие схемы всемирно-исторического процесса и концепции отдельных исторических периодов, но и закономерности их развития. Еще в апреле 1913 г. Всемирный конгресс историков в Лондоне вынужден был констатировать определенную «растерянность перед лавиной нового материала, сознание, что многие удобные, имевшие часто большое методологическое... значение схемы и теории разбиты этою лавиною в куски и унесены, прочь...»³. Тревога и озабоченность по поводу нарастающей тенденции огульного ниспровержения прежних исторических теорий и социологических схем отразилась в резолюции Всемирного конгресса, где было подчеркнуто: «...без конструкций – нет науки, а есть лишь складское место материалов»⁴.

Сформировавшийся пафос радикального пересмотра прежних научных оснований исторического познания очень сильно подкреплялся широким внедрением позитивизма в общественное сознание под видом избавления его от излишней умозрительности и спекулятивной оторванности от социальной реальности. Следует подчеркнуть, что развитию социологического позитивизма активно способствовали самые видные представители естествознания, ратовавшие за утверждение объективизма и материалистических оснований в историческом познании. Их твердая убежденность в продуктивности позитивистской методологии подкреплялась бурным прогрессом наук о природе, принесшим им немало замечательных открытий в конце XIX в. На этом фоне состояние гуманитарного знания выглядело удручающим, и рецепт его скорейшего оздоровления, ка-

---

² *Анналы*. – 1922. – № 1. – С. 5.

³ Там же. – С. 12.

⁴ Там же.

залось, был очевиден. Но эта видимая простота решения актуальной задачи преодоления кризиса исторического познания на деле оказалась обманчивой. Позитивистская методология, редуцированная из естествознания в область исследования общественных процессов, с неизбежностью приводила к их вульгаризации. Иначе и быть не могло, так как механическое сведение социологических закономерностей к законам эволюции природного мира по своей методологической основе не имеет ничего общего с материалистическим пониманием истории.

Если обобщить две эти активно заявившие о себе в начале XX в. тенденции: социологический критицизм и социологический позитивизм, – то можно констатировать возникновение тогда в историческом познании невиданного ранее противопоставления позиций, прежде всего в гносеологии и методологии. Этот процесс происходил под определенным воздействием получившего широкое распространение в западной философии разграничения научного знания на идеографическое и номотетическое. Демаркацией наук о духе и о природе на основе идей В. Виндельбанда (1848–1915), Г. Риккерта (1863–1936), Г. Зиммеля (1858–1918), Э. Мейера (1855–1930) и др. в России активно занимались многие известные социологи: Н. И. Кареев (1850–1931), А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), В. С. Сергеев (1883–1941), Р. Ю. Виппер (1859–1954), относившие к идеографическим наукам такие отрасли знания, которые определяли своим предметом индивидуальные, неповторимые явления. Они противопоставлялись наукам номотетическим или законополагающим, анализирующим строго детерминированные и однозначно повторяющиеся природные явления и процессы.

На этом фоне велась постоянная дискуссия о специфике гуманитарных наук вообще, о специфике науки и философии истории в частности. Эта общенаучная дискуссия предопределяла решение целого ряда локальных вопросов: о предмете истории как науки, о ее научном статусе, о взаимосвязи эмпирико-фактологического и логико-рационального уровней познания социальных процессов. Можно с уверенностью сказать, что в это время методологические проблемы исторического познания становятся в центр противостояний всех научных подходов к анализу общества, к объяснению закономерностей исторического процесса.

Многие русские обществоведы считали, что историософия должна акцентировать внимание исследователей главным образом на индивидуальности и уникальности исторических событий и социальных процессов как неповторимых и не похожих ни на какие-либо аналогичные события и процессы. Главный аргумент, выдвигавшийся сторонниками выделения историософии в качестве специальной идиографической науки, сводился к тому, что историческое развитие совершается «при разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторяющемся»⁵.

Свое отношение к методологии исторических исследований высказывали наиболее авторитетные специалисты социологической науки. Фундаментальным трудом в этой области стала «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского. «Мы не должны упускать из виду, – писал он, – что историческая наука, более чем какая-либо другая, имеет дело прежде всего с конкретным индивидуальным материалом. Правда, это обстоятельство не может еще служить основанием для отказа от возможности выяснения общих основных движущих причин и моментов исторического развития, но еще меньше имеем мы оснований отказываться от изучения частных и индивидуальных сторон и явлений исторического процесса.»⁶

Позиции ведущих отечественных историков весьма существенно различались не только по отношению к методологии исторического познания, но и в оценке общей кризисной ситуации, переживаемой исторической наукой, а также в видении перспектив выхода из нее. Примером тому может служить очень острая по своей полемичности книга «Кризис исторической науки» (1921), автором которой был известный русский историк Р. Ю. Виппер. Она сразу же привлекла внимание научного сообщества и стала объектом широкой научной дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Под знаменем марксизма». При этом вновь обозначилось принципиальное разногласие между сторонниками идеи плюрально-циклического взгляда на исторический процесс и их основными оппонентами в лице представителей унитарно-стадиального подхода к истории. Все «плюралисты» утверждали, что этот кризис связан с укреплением позиций экономического материализма в ис-

---

⁵ Ключевский, В. О. Курс русской истории: в 5 т. – М., 1937. – Т. 1. – С. 8.

⁶ Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории. – Пг., 1923. – Т. 1. – С. 21.

торических исследованиях, что, по их мнению, приводит к одностороннему, сугубо монистическому взгляду на всемирно-исторический процесс.

Серьезной критике с их стороны подвергалась также теория общественного прогресса. Сама идея общественного прогресса объявлялась ими рудиментом идеалистического, провиденциального взгляда на всемирную историю, которую якобы исторический материализм приспособил для обоснования возможности построения в будущем бесклассового общества. В связи с обострением экономического кризиса начала XX в. некоторые западные социологи поспешно объявили приближение эры «заката Европы». «Плюралисты» с готовностью ухватились за этот эсхатологический вывод для дополнительного доказательства того, что теория общественного прогресса, одинаково присущая как материалистическим, так и идеалистическим теориям, является якобы главным тормозом для дальнейшего развития научного познания всемирной истории.

Именно поэтому перспектива выхода исторической науки из кризиса, по мнению Р. Ю. Виппера, может быть связана лишь с утверждением плюралистического взгляда на развитие всемирной истории, поскольку «и материалистический взгляд, и взгляд идеалистический, каждый в отдельности взятый, неполны, недостаточны, односторонни»⁷. Странники плюрально-циклического подхода к истории свою яростную критику теории общественного прогресса сопровождали отказом от классических подходов к анализу всемирной истории и от классического типа рациональности в историческом познании.

Совершенно аналогичную ситуацию приходится наблюдать и в современной социально-гуманитарной науке, втянутой в водоворот обостряющегося глобального кризиса современной цивилизации. Мы наблюдаем тот же огульный критицизм и в отношении унитарно-стадиального подхода к истории, который якобы себя окончательно изжил в связи с крушением мировой системы социализма, и в отношении научного статуса всей прежней философии истории. В качестве примера сошлемся на мнение Ю. И. Семенова, который в своем фундаментальном труде «Философия истории» с сожалением

---

⁷ Виппер, Р. Ю. Кризис исторической науки. – Казань, 1921. – С. 13.

нием отмечает: «если в физической науке значение физической теории общепризнанно и никто не сомневается в необходимости специальности физика-теоретика, то в историологии дело обстоит совершенно по-другому. Существование теоретической историологии не признается. Курсы теоретической историологии нигде не читаются, нет по этой дисциплине ни учебников, ни пособий»⁸.

Одну из причин недооценки теоретической значимости историсофии Ю. И. Семенов связывает с нашим недавним прошлым, когда всем историкам в принудительном порядке в качестве единственно верной общей теории общественного развития навязывался исторический материализм. «Материалистическое понимание истории, – пишет он, – практически рассматривалось в качестве не просто наиболее общей, а единственно возможной и единственно правильной теории исторического процесса. Поэтому всякая попытка разработки теоретической историологии встречалась нашим идеологическим руководством в штыки и объявлялась ревизионизмом. Все это отбивало охоту заниматься теоретическими изысканиями в области истории»⁹.

Было бы намного лучше, если бы Ю. И. Семенов излишне не сгущал краски, но, к нашему общему сожалению, он, по существу, прав. Философия истории с позиции нынешней западной политологии и социологии выглядит неким своеобразным научным лабиринтом, таящим серьезную угрозу для современной постмодернистской эпистемологии... Этому способствуют, с одной стороны, сила инерции критицизма к историсофии, сохранившаяся после десятилетий неусыпного идеологического контроля над исторической наукой, а с другой – активно проникающий в историческое познание постмодернистский гносеологический анархизм. Эти факторы в своей совокупности определяют предубежденное отношение со стороны некоторых нынешних обществоведов к науке, объектом которой является общая теория исторического процесса.

В качестве примера приведем выдержку из книги «Алгоритмы истории», автором которой является политолог В. М. Вильчек: «История, в том числе и история философии – несомненно наука; философия истории – нет: ее выводы невозможно верифициро-

---

⁸ Семенов, Ю. И. Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М., 2003. – С. 4.

⁹ Там же.

вать... Философия истории – не наука, а идеология; но в обложке учебника – хотим мы того или не хотим – она обретает статус “научной идеологии”, а подобным коктейлем мы уже так нахлебались за прошлый век, что до сих пор не можем опохмелиться»¹⁰. Совершенно ясно, что заложникам подобного «похмельного синдрома» легче ниспровергать научные устои исторического познания, сформировавшиеся на фундаменте классической рациональности, нежели напрягать свои умственные способности в интересах дальнейшего развития исторической науки. Именно поэтому многие из них, едва отвергнув недавнюю слепую преданность к «истмату», вступили на путь испепеляющей его критики. На это они не пожалели ни времени, ни страсти, благо что особого таланта сие занятие не требовало. За последние годы ими было написано целое сонмище уничижительных книг и статей, в которых исторический материализм был подвергнут наукообразной экзекуции. Страстное отрешение от теории исторического материализма стало для некоторых обществоведов формой светского экзорцизма – средневековой процедуры изгнания дьявола.

Но это лихое время, похоже, уходит в прошлое, и наконец наступает период «нормальной», то есть конструктивной, науки. В связи с этим необходимо уяснить, от какого прежнего научного наследия следует отказаться, а что из теоретической социологии К. Маркса следует сохранить и плодотворно использовать в интересах дальнейшего развития исторической науки. Как говорится, «большое видится на расстоянии», и сегодня мы имеем возможность более глубоко осознать смысл слов, в которые Ф. Энгельс вложил все свои опасения, касающиеся будущих извращений марксистской исторической теории. «Материалистический метод, – писал он, – превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»¹¹.

В наше время, когда над исследователями мирового исторического процесса больше не довлеет диктат идеологии, открываются реальные возможности и условия для объективного анализа совре-

---

¹⁰ Вильчек, В. М. Алгоритмы истории. – М., 2004. – С. 8.

¹¹ Энгельс, Ф. Письмо П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – Т. 37. – С. 351.

менной эпохи. Но новая ситуация в науке высветила и принципиально новую тенденцию в историческом познании. Поспешно отказавшись от исторического материализма как научной методологии, некоторые социологи посчитали необходимым вообще отказаться от всякой социологической теории. Вновь сошлемся на книгу Ю. И. Семенова «Философия истории»: «Лжеисторические работы выходят из-под пера не только прямых невежд или, в лучшем случае, откровенных дилетантов, но и людей, имеющих ученые степени и звания, в том числе и в области истории»¹².

Таким образом, важнейшая проблема исторической науки сегодня заключается не в идеологической ангажированности исследователя и не в догматизме теории, а в преодолении квазинаучности и откровенного научного нигилизма. Сегодня об этой негативной ситуации в гуманитарной науке не говорит разве что человек несведущий в этой сфере либо полностью к ней равнодушный. Мнения специалистов, затрагивающих эту проблему, расходятся лишь в степени оценки самого кризиса обществензнания. Одну из них высказал известный специалист по социальной философии И. А. Гобозов в статье «Что происходит с философией?»: «Общественные науки, к числу которых относится и философия, переживают системный кризис. Этот кризис проявляется не в том, что мало литературы выходит, то есть не в количестве публикуемой литературы, а в ее качестве, нет идей, нет мыслей, нет прогресса научного знания, нет даже накопления новых знаний»¹³.

Подобная озабоченность со стороны авторитетных ученых не может остаться незамеченной со стороны научного сообщества. Многие видные философы, реально оценивая сложившуюся в историософии кризисную ситуацию, выход из нее в ближайшей перспективе связывают с возвращением исторического познания на позиции классического рационализма, без чего обществоведение лишено возможности адекватного познания сложной социальной динамики современных глобальных процессов и взвешенного прогнозирования будущих сценариев их развития. С этой принципиальной позицией нельзя не согласиться.

---

¹² Семенов, Ю. И. Указ. соч. – С. 5.

¹³ Гобозов, И. А. Что происходит с философией? // *Философия и общество*. – 2007. – № 2. – С. 5.